

НАРОДНЫЙ АРТИСТ
СССР
ЮРИЙ НИКУЛИН

Печатается
с продолжением

С ЧЕГО НАЧИНАЮТСЯ КЛОУНЫ

«Будьте самоучками, не ждите, пока вас научит жизнь».

(Ежи ЛЕЦ).

...«Вечерняя Москва» в середине августа 1946 года поместила объявление о наборе в студию клоунады при Московском ордена Ленина Государственном цирке на Цветном бульваре...

В то время мы с отцом покупали «Вечерку» в киоске около Елоховской площади. И купив газету с этим объявлением, прочли его, и тут же возникла идея, а что, если попробовать?

Мама склонялась к театру, считая, что рано или поздно, но мне повезет. Отец считал иначе:

— Пусть Юра рискнет, — говорил он. — В цирке экспериментировать можно, искать. Работы — непочтый край. Если он найдет себя — выдвинется.

И я решил поступать в студию Московского цирка на Цветном бульваре.

Документы принимали в маленькой комнате (теперь там находится одна из секций гардероба для зрителей).

Мастерскую клоунов набирал режиссер цирка Александр Александрович Федорович. В 20-е годы он, как и отец, руководил художественной самодеятельностью на одном из предприятий столицы, и отец раньше часто с ним встречался по работе.

Первый тур, на который допускались все, проходил в крошечной комнате красного уголка. Вызывали по одному человеку. Я долго ждал своей очереди.

Предстал перед сидящей за столом, покрытым красной скатертью, комиссией. Очень волнуясь. Прочел Пушкина. Слушали внимательно. Хотел читать басню, но тут подзывает меня Федорович:

— Скажите, пожалуйста, вы не сын ли Владимира Андреевича Никулина?

— Сын.

— Что вы говорите? — удивился он. — И что же, решили пойти в цирк?

Мне показалось, что в вопросе прозвучало какое-то сожаление.

— Да, — говорю, — очень люблю цирк. Хочу стать клоуном.

— Ну, что ж, очень рад. Очень рад. Так мы вас прямо на третий тур допустим. Привет папе передавайте.

Привет я передал, а сам нервничал: конкурс-то большой; во-первых, поступали многие из тех, кто не прошел в театральные институты и студии, во-вторых, допускали к экзаменам с семилетним образованием, что увеличивало число желающих стать клоунами, в-третьих, цирк был рядом с Центральным рынком и некоторые его завсегдатаи и приезжие тоже почему-то, то ли из баловства, то ли серьезно, решили попытаться счастья.

Наступил день третьего тура. Поцеловав на счастье нашу собачку Мальку, я, худой, длинный, молодой, страшно нервный и невыспавшийся, в шинели и сапогах, пошел в цирк.

КАНДИДАТЫ В КАРАНДАШИ

Пожарник держит экзамен в музыкальную школу. Его спрашивают: «Какая разница между скрипкой и роялем!» Пожарник, подумав: «Рояль дольше горит».

(Из услышанных анекдотов)

Экзамен проходил на ярко освещенном манеже. В зале сидело довольно много народу: сотрудники Главного управления цирков, артисты, работающие в программе, уборщицы, униформисты, знакомые и друзья поступающих.

Комиссия занимала первый ряд партера, перед которым стоял длинный стол. В центре сидел в своей кожаной куртке А. Федорович. Рядом с ним — художественный руководитель цирка Ю. Юрский. В комиссию также входили: известный жонглер В. Жанто, режиссеры Л. Харченко, Б. Шахет, инспектор манежа А. Буше, директор цирка Н. Байкалов и другие.

Одними из первых экзаменовались Илья Полубаров и Виктор Смирнов. Раньше они оба занимались в цирковом училище. Оба прекрасно жонглировали, владели акробатикой и нам казались сверхталантливыми и сверхумелыми. Они легко делали флик-фляки, каскады, разговаривали между собой, употребляли цирковую терминологию: «верхний», «нижний», «средний»... Их, конечно, приняли.

Своей артистической внешностью среди всех выделялся Юра Глейзер, приехавший из Орла. Где-то в самодеятельности он работал клоуном и теперь шел под «Рыжого». Он довольно смешно прочитал стихи Сергея Михалкова: «Я приехал на Кавказ, сел на лошадей в первый раз...». (После окончания студии Глейзер успешно работал в цирке под псевдонимом Юрий Котов).

Смотрел я на всех и думал про себя: «Куда мне с ними тягаться».

Как я уже говорил, среди нас были и завсегдатаи соседнего рынка. Одному из них я почему-то понравился:

— Если не примут, — говорил он, — ты приходи ко мне. Мы семечками торговать будем на рынке. С мячиком.

— Как с мячиком? — удивился я.

— Очень просто, — объяснил он. — Пойдем к поезду и купим мешок семечек за тысячу рублей. Потом найдем старуху и предложим ей по 60 копеек за стакан, если оптом возьмет. Старуха, конечно, согласится, потому что сама будет продавать семечки по рублю. Первые два-три стакана мы ей полностью насыпем, а потом я незаметно теннисный мячик, он у меня в рукаве спрятан, в стакан подложу и буду дальше отмерять... Лапища у меня огромная, мячика никто не увидит. Полное впечатление, что стакан наполняется доверху. Ты в это время будешь ей что-нибудь заливать.

Так, за разговорами пришла моя очередь выходить на манеж. Прочел стихи, басню, дали мне эту, будто бы нужно срочно уходить с манежа, а ключ от квартиры, куда иду, потерял. Придумал не самое оригинальное. Сделал вид, что долго ищу ключ, а всюду темно. Зажигал настоящие спички (мне тогда казалось, если зажигать спички на ярко освещенном манеже, то будет смешно), но никто «находку» не оценил. И вот, наконец, кидаюсь на ковер и что-то поднимаю, увы, это оказался не ключ, а якобы плевко, который я вытираю о себя брезгливо и огорченно, оттого, что я спутал его с ключом. В зале в этом месте засмеялись.

Потом экзаменовались и другие. Среди них и Борис Романов. Своей общительностью, чувством юмора, а также тем, что он пришел на экзамен, как и я, в солдатской шинели (а у меня еще долго после войны ко всем, кто носил солдатскую шинель, было отношение по-особому доброму), он привлек мое внимание, и мы тут же познакомились. Для начала он рассказал мне анекдот:

«Профессор спрашивает нерадивого студента:

— Вы знаете, что такое экзамен?

— Экзамен — это беседа двух умных людей, — отвечает студент.

— А если один из них идиот? — интересуется профессор.

Студент спокойно говорит:

— Тогда второй не получит стипендии».

(Начало см. в №№ 224—231).